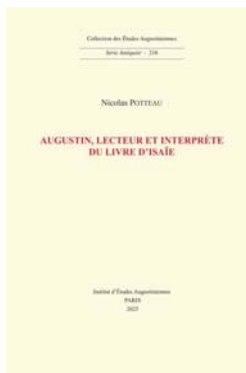

РЕЦЕНЗИИ

Potteau N.

AUGUSTIN, LECTEUR ET INTERPRÈTE DU LIVRE D'ISAÏE

Paris: Institut d'Études Augustiniennes, 2025.
(Collection des Études Augustiniennes: Série Antiquité;
vol. 216). 600 p. ISBN 978-2-85121-338-9

УДК 82-96 (2-335)

DOI: 10.31802/BCA.2025.28.4.007

Монография «Августин, читатель и толкователь Книги Исаии» Никола Потто, члена ордена августинцев Успения и преподавателя Католического института Парижа, представляет собой опубликованную версию докторской диссертации, защищённой в 2019 г. в Centre Sèvres (ныне Facultés Loyola Paris) под руководством Изабель Боше (Isabelle Bochet). Изданная в престижной серии «Série Antiquité» Института августинских исследований, эта работа представляет собой фундаментальный труд, в котором изучению рецепция и герменевтика Книги Исаии в корпусе сочинений блж. Августина. Исследование объёмом 600 страниц структурировано в две части, дополнено четырьмя приложениями и обширной библиографией (р. 515–537).

Научная значимость и масштаб работы Н. Потто определяются двумя взаимосвязанными проблемными полями, о которых автор упоминает, которые затрагивает или анализирует с исчерпывающей полнотой.

Во-первых, это текстологическая и историко-критическая сложность самой Книги Исаии. Речь идет о её композиционной структуре (проблема единства или деления на Прото-, Девтеро- и Тритоисаию), жанровом разнообразии и сложной истории редакций. Автор справедливо рассматривает текст пророка как «палимпсест традиций», учитывая расхождения между еврейской (масоретский текст), греческой (Септуагинта) и многочисленными латинскими (Vetus Latina) версиями, отмечая, что блж. Августин использовал несколько переводов.

Во-вторых, это составляющие ядро исследования герменевтические стратегии самого блж. Августина. При отсутствии у епископа Гиппонского систематического комментария на Книгу Исаии (в отличие от других древних церковных комментаторов IV–V вв.)¹, задачей исследователя становится скрупулёзная реконструкция его экзегетических методов на основе разрозненных цитат и аллюзий. Н. Потто блестяще справляется с этой задачей, анализируя обращения к Книге пророка Исаии в догматических, полемических и пастырских трудах блж. Августина.

Работа Николая Потто вносит существенный вклад в августиноведение, освещая не только экзегетические методы блж. Августина, но и его подход к тем кардинальным богословским вопросам, которые, как показывает история рецепции (например, в русской мысли), оказались наиболее дискуссионными: природа таинств, границы видимой Церкви, христологические основания экклезиологии (концепция «*totus Christus*») и диалектика «двух градов». Если в русской традиции концепция «Град Божий» часто критиковалась (С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой) как ошибочное отождествление Церкви с Царством Божиим или как «идеал латинства», то богословы XX в., например о. Георгий Флоровский, напротив, подчёркивали необходимость «возвращения» к августиновской сакраментологии и экклезиологии². Труд Н. Потто приобретает в этом контексте особую актуальность. Автор демонстрирует, как пророческое слово «ветхозаветного евангелиста» обретает новое звучание в философско-богословском синтезе великого латинского отца Церкви.

Методологическую основу исследования Н. Потто составляет концепция двойной перспективы, которую автор формулирует как «работа Августина над Книгой Исаии» и «работа Книги Исаии над Августином» (р. 17). Эта двусторонняя оптика позволяет проследить не только то, как блж. Августин читал пророка, но и то, как текст Книги Исаии формировал «богословие Августина на основе пророчеств» (р. 24).

- 1 Как отмечает Манлио Симонетти, до нашего времени дошло шесть крупных патристических комментариев на Книгу пророка Исаии (некоторые из них неполные), созданных в период между 320 и 440 гг.: Евсевия Кесарийского, Псевдо-Василия (неполный), блж. Иеронима Стридонского, свт. Иоанна Златоуста, блж. Феодорита Кирского и свт. Кирилла Александрийского. См.: *Simonetti M. Uno sguardo d'insieme sull'esegesi patristica di Isaia fra IV e V secolo // Annali di storia dell'esegesi. 1984. Vol. 1. P. 10–38.*
- 2 *Ходзинский А., прот. AVGVSTINVS ROSSICVS* (Очерки русской августионианы XVIII – середина XX вв.) // *Августин Гиппонский, блж.* Творения: на латинском и русском языках. Т. 1 / сост. Н. Г. Головнина; вступ. ст. П. В. Хондзинского. М., 2022. С. 40–46, 80–82.

Особую ценность представляет авторская классификация способов обращения блж. Августина к цитированию текста Книги Исаии. Это, казалось бы, простой методологический выбор — деление на «тип прямой цитаты» (*citation explicite*) и «скрытой цитаты» (*citation implicite*) (р. 20-21), — Н. Потто глубоко обосновывает, позиционируя свой подход относительно более сложных моделей. Он ссылается, в частности, на известного французского эллиниста Маргерит Арль (Marguerite Harl), выделявшую три риторических приёма цитирования в патристике: «присвоение» (*l'appropriation*), «накопление» (*l'accumulation*) и «дробление» (*l'éclatement*). Упоминая также «более широкий подход» (*une approche plus large*), как у специалиста по библейской риторике Ролана Мейне (Roland Meynet) с его «четырьмя типами интертекстуальных связей» (*quatre types de rapports intertextuels*), Н. Потто сознательно останавливается на своей двухчастной схеме как на наиболее практичной для целей данного исследования. Такая дифференциация критически важна, поскольку, как отмечает автор, «эти два способа заимствования часто используются Августином» (р. 21), ведь влияние пророческой книги простирается далеко за пределы прямого цитирования.

Первая часть монографии, состоящая из четырёх глав, не просто закладывает основу для последующего анализа, но представляет собой фундаментальное исследование текстологических и герменевтических основ августиновской экзегезы Книги пророка Исаии.

Глава I («Текст Августина») посвящена всё ещё не решённому вопросу о текстуальных версиях Книги Исаии, доступных блж. Августину. Николя Потто с филигранной точностью реконструирует сложный текстологический ландшафт, в котором работал епископ Гиппонский. Опираясь на новейшие достижения в изучении *Vetus Latina*, автор приводит описание различных семейств старолатинского текста Книги Исаии, включая африканские (К, С) и европейские (Е) варианты, и сопоставляет их с переводами блж. Иеронима (*iuxta LXX* и *iuxta Hebraeos*) (р. 31–34).

Этот анализ текстологического ландшафта имеет решающее значение, поскольку Н. Потто погружает читателя в знаменитую полемику о переводах между западными отцами — блж. Августином и блж. Иеронимом. Автор показывает, что позиция блж. Иеронима была сложной: с одной стороны, он отстаивал свой знаменитый принцип *hebraica veritas* («еврейской истины»), настаивая на возвращении к древнееврейскому первоисточнику; с другой — сам же блж. Иероним создал популярный перевод с *греческого* (из Гекзаплы Оригена), представляя его традиционалистам как «неиспорченный и незапятнанный перевод Семидесяти»

(*incorrupta et immaculata septuaginta*)³. По мнению Н. Потто, это создавало непонимание, поскольку блж. Августин, напротив, защищал богодухновенный авторитет Септуагинты и с подозрением относился к новому переводу блж. Иеронима с еврейского. Таким образом, выбор блж. Августином своего «текста А» был сознательным решением в условиях этой «войны переводов».

Исходя из стилистических и грамматических особенностей, автор убедительно показывает уникальность того «текста А» пророческой книги, который использовал блж. Августин. Этот исследовательский этап был крайне необходим, поскольку Н. Потто отмечает множественность вариантов переводов, так как «редакции отличаются непостоянством, изменения в них прослеживаются каждые десять лет. В этой связи тексты данной версии сильно отличаются друг от друга. Старолатинский перевод продолжает использоваться даже после появления перевода Иеронима, сделанного с еврейского источника»⁴.

Как отмечает Н. Потто, «существование текста Книги Исаии, который был бы свойственен Августину, было обнаружено Р. Грисоном <...> издание *Vetus Latina* подтвердило это открытие, выявив широту употребления этого текста» (р. 32). Автор демонстрирует, что блж. Августин не ограничивался одной версией, но сознательно использовал текстуальную вариативность в пастырских и полемических целях: «Августин гармонизирует и комбинирует между собой соответствующие смыслы двух переводов, которые обогащают друг друга <...> в случае неоднозначности буквального значения [слова] (*signe propre ambigu*), можно использовать и сравнивать различные латинские переводы для улучшения дефектных рукописей» (р. 39).

Здесь стоит пояснить: в герменевтике, особенно у блж. Августина (в его творении «О христианском учении» («*De doctrina christiana*»)), «*signe propre*» (*буквальный знак*) противопоставляется «*signe translatum*» (*знаку переносному, или образному*). То есть, «*signe propre*» — это слово, употребленное в своем прямом, буквальном значении. «*Signe propre ambigu*» — это, соответственно, слово, буквальное значение которого неоднозначно (например, как латинское *altus* может означать «высокий»

3 *Hieronymus Stridonensis. Epistula CVI, 5 // CSEL. 55. P. 249.*

4 *Дориваль Ж., Арль М., Мюнник О. Греческая Библия Септуагинта. От эллинистического иудаизма до раннего христианства / пер. с фр. яз. и предисл. свящ. А. Зиновкина. Сергиев Посад, 2023. (Корпус христианских текстов и исследований: Приложение к журналу «Библия и христианская древность»; 6. Библейские тексты и исследования; Библиестика; 1 (1)). С. 324.*

или «глубокий»). Это наблюдение раскрывает не только текстологические предпочтения блж. Августина, но и его пастырскую мудрость.

Глава II («Пути рецепции Книги Исаии и её использования») исследует различные источники знакомства блж. Августина с Книгой пророка Исаии. Н. Потто выделяет несколько каналов рецепции: богослужебную традицию, полемический контекст и, что особенно важно, новозаветные цитаты. Автор подчёркивает: «Богословские споры могут, таким образом, рассматриваться как подлинные пути рецепции Книги Исаии и её использования» (р. 99). Именно полемика с манихеями, донатистами и пелагианами, наряду с богослужением и Новым Заветом, заставляла блж. Августина вновь и вновь обращаться к пророку, открывая в тексте новые пласты смысла и становясь арсеналом аргументов.

Глава III («Ис. 7, 9: Верить, чтобы понимать») анализирует ключевые герменевтические принципы блж. Августина через призму ключевых «интерпретационных стихов». Центральное место занимает знаменитый стих Ис. 7, 9 (LXX): «Если вы не поверите, вы не поймете (*nisi credideritis, non intellegitis*)» (р. 105)⁵. Н. Потто демонстрирует, что для блж. Августина этот стих не просто цитата, а фундаментальный принцип: «Ис. 7, 9 <...> играет для Августина роль герменевтического ключа для понимания Писания и даже больше — для начертания пути вхождения в веру и христианское бытие. Будучи интерпретированным, этот стих сам становится интерпретирующим» (р. 105). Это наблюдение, являющееся настоящим *tour de force* («впечатляющим достижением») исследования, показывает, как один стих стал фундаментом целой эпистемологической системы.

Автор прослеживает, как блж. Августин развивает на основе данного стиха свою концепцию соотношения веры и разума, раскрывая употребление библейского стиха Ис. 7, 9 у христианских авторов Востока и Запада на рубеже II–V вв. Именно в этом сравнительном анализе (р. 134–148) и заключается одна из сильных сторон всей монографии — методологического сопоставления, которое Н. Потто последовательно применяет и во второй части. Николая Потто показывает, что блж. Августин, сделавший этот стих знаменитым, не был его «первооткрывателем». Автор прослеживает две основные традиции его использования

5 Этот стих, ставший девизом августиновской эпистемологии, принципиально отличается от перевода блж. Иеронима с древнееврейского (Вульгата): «*si non credideritis non pertinebitis*» («если вы не верите, вы не удостоверены»). См.: *Biblia sacra: iuxta Vulgatam versionem* / rec. R. Weber, emend. R. Gryson. Stuttgart, 62015. P. 1103. Русский перевод по синодальной Библии.

до блж. Августина: александрийскую (Климент Александрийский, Ориген), где стих обосновывал гносеологию (вера как «предпознание», *préconnaissance*, р. 135), и раннюю латинскую (сщмч. Ириней, Тертулиан, сщмч. Киприан), где он служил полемическим целям (объясняя «темноту» Писания для еретиков и иудеев, р. 141).

Особое внимание Н. Потто уделяет латинским авторам IV–V вв., отмечая, что ни свт. Амвросий, ни блж. Иероним (упоминающие стих всего 1–2 раза) не придавали ему особого значения. Вероятным же источником для блж. Августина, как показывает автор, мог послужить Амброзиастер, который уже связывал Ис. 7, 9 с Ин. 17, 3 (р. 142). Таким образом, Н. Потто доказывает, что именно блж. Августин (44 упоминания) почти единолично возвысил эту цитату из Книги Исаии от рядового полемического *testimonium* до статуса фундаментального эпистемологического принципа всего западного христианства.

Завершает первую часть Глава IV («Правила интерпретации Писания»), в которой Н. Потто детально рассматривает практические правила интерпретации. В этой главе, прежде чем перейти к знаменитому анализу правил Тихония, Н. Потто сначала детально рассматривает собственные герменевтические принципы блж. Августина, изложенные в трактате «О христианском учении». Автор показывает, что блж. Августин настаивает на важности буквального смысла (*sens propre*) (р. 151), но также формулирует знаменитый «критерий любви»: если буквальное прочтение стиха противоречит вере или заповеди о любви к Богу и ближнему, то его необходимо толковать иносказательно (*sens figuré*) (р. 157). Н. Потто также останавливается на признании блж. Августином «множественности смыслов» (*pluralité des sens*), когда одно и то же место Писания может содержать несколько истинных интерпретаций при условии, что они согласуются с верой (р. 163).

После этого подробного вступления (р. 166) Н. Потто переходит к центральной теме главы — творческому взаимодействию блж. Августина с «Книгой Правил» («*Liber regularum*») донатиста Тихония. Н. Потто сосредотачивает анализ на экклезиологической сердцевине этих правил, в частности, на знаменитом первом правиле «О Господе и Его теле» (*De Domino et corpore eius*) и, что наиболее важно, на втором — «О теле Господнем как двухчастном» (*De Domini corpore bipertito*).

Именно здесь автор показывает не механическое заимствование, но глубокую богословскую трансформацию. Н. Потто демонстрирует, как блж. Августин использует герменевтический аппарат самого

Тихония (особенно учение о «двухчастном теле», состоящем из «благой» и «злой» частей) в качестве оружия против донатистского ригоризма. Подтверждая это цитатой, Н. Потто пишет: «Переформулируя правила донатиста, Августин адаптирует их к своей собственной герменевтической и богословской системе. Богословие играет роль критерия герменевтического различения» (р. 189). Таким образом, Николя Потто выявляет, как блж. Августин использует правила Тихония для интерпретации пророчеств Книги Исаии, особенно в вопросах о природе Церкви (*ecclesia permixta*) и соотношении буквального и духовного смыслов, адаптируя экзегезу оппонента к ортодоксальной экклезиологии.

Именно этот тонкий анализ взаимосвязи богословия и экзегетики делает первую часть книги Н. Потто не только исчерпывающе информативной, но и методологически ценной⁶, что демонстрирует глубину методологии исследования Н. Потто, создавая прочный фундамент для перехода к анализу конкретных богословских тем во второй части монографии.

Во второй части монографии («Интерпретация пророчеств») Николя Потто переходит к богословскому ядру экзегезы блж. Августина. Автор погружает читателя непосредственно в богословское содержание августиновской экзегезы, раскрывая, что именно епископ Гиппонский находил в пророчествах св. Исаии. Автор последовательно анализирует, как блж. Августин, опираясь на текст пророка, формирует и обосновывает свои христологические, экклезиологические и эсхатологические воззрения, часто вступая в диалог с предшествующей традицией и оппонентами, превращая библейский текст в мощное оружие полемики.

Глава V («Исаия, пророк Христа») открывает этот раздел, анализом того, как блж. Августин использует пророчества Книги Исаии для построения своей христологии, оправдывая знаменитое изречение блж. Иеронима о св. Исаии как о «евангелисте, а не пророке» (р. 193).

Автор концентрирует внимание на двух ключевых «пророчествах об Эммануиле». Во-первых, это Ис. 7, 14. Н. Потто показывает, что блж. Августин, в отличие от своих предшественников (таких как мч. Иустин, сщмч. Ириней или Ориген), почти не участвует в знаменитой

6 Как справедливо отмечает Изабель Боше: «Герменевтические правила в таком случае оказываются неотделимы от богословских утверждений: истолкование “пророческой истории” (*prophetic history*) определяется “истиной”, которую оно прямо или косвенно отображает» (Bochet I. «*Le firmament de l'Écriture*». L'herméneutique augustinienne. Paris, 2004. (Collection des Études Augustiniennes: Série Antiquité; 172). P. 472).

полюемике о переводе $\mu\lambda\lambda\upsilon$ и $\mu\alpha\rho\theta\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ (р. 199–205). Вместо этого блж. Августин использует стих: «*Се, Дева во чреве приимет*» — не столько для доказательства самого факта девственного рождения, сколько для утверждения двух природ Христа — Его Божества («Эммануил» как «Бог с нами») и Его полного человечества, включая Его происхождение «из рода Давидова» (р. 197).

Более того, Н. Потто помещает этот анализ в широкий патристический контекст, расширяя список авторов. Он отмечает, что не многие раннехристианские экзегеты (*peu d'exégètes paléochrétiens*) использовали Ис. 7, 14 для защиты учения о «величии или приснодевстве Марии» (*grandeur de la virginité ou défendre la virginité perpétuelle de Marie*), и что такое специфическое использование стиха можно найти «только у Амвросия, Иеронима и Руфина» (*seuls Ambroise, Jérôme et Rufin*). Автор подчёркивает, что для большинства святых отцов, включая и этих троих (*у compris ces derniers*), этот стих служил прежде всего для «христологической цели» (*perspective christologique*): титул «Эммануил» («Бог с нами») использовался как прямое доказательство «Божества Христа» (*affirmer la divinité du Christ*, р. 201).

Во-вторых, анализ Ис. 9, 6 («*Ангел Великого Совета*») демонстрирует богословскую проницательность и осторожность блж. Августина. Н. Потто убедительно доказывает, что блж. Августин со временем становится «всё более сдержанным, даже уклончивым» (*plus mesuré, voire réticent*, р. 208) в использовании этого титула. Причина в том, что ариане активно использовали этот стих для доказательства тварности и подчинённости Сына как «ангела». Развивая в творении «О Троице» («*De Trinitate*») собственное богословие «ангелофаний» (р. 208–209), блж. Августин предпочитает использовать первую часть стиха («*Младенец родился нам*», р. 206), чтобы подчеркнуть реальность Воплощения, сознательно избегая опасной для ортодоксии полемики.

После анализа пророчеств об Эммануиле, Н. Потто переходит к центральной христологической теме — к Песни страждущего раба (см. Ис. 52, 13 – 53, 12), концентрируя внимание на трёх стихах, наиболее часто используемых блж. Августином (р. 217).

Во-первых, это Ис. 53, 2 («*...нет в Нем ни вида, ни величия...*»). Н. Потто показывает, как блж. Августин разрешает парадокс «безобразия» (*laideur*) Христа, противопоставляя этот стих стиху Пс. 44, 3 («*Ты прекраснее сынов человеческих*»). Решение находится в различении *forma Dei* (образ Бога) и *forma servi* (образ раба) (с. 219). «Безобразие» Христа — это Его *forma servi*, Его уничиженная человеческая природа,

принятая в Воплощении. Однако, как подчёркивает Н. Потто, блж. Августин идёт дальше простого противопоставления: «Красота Бога — это красота, которая распространяется и преображает» (*La beauté de Dieu est une beauté qui se propage et transforme*, p. 222). Иисус Христос стал «безобразным» (*laid*), чтобы сделать Церковь «прекрасной» (*belle*, p. 223), — в этом Николя Потто видит оригинальное, сотериологическое и экклезиологическое развитие блж. Августином идей, которые тот мог заимствовать у Плотина.

Эта догадка автора находит подтверждение в том, как блж. Августин трансформирует неоплатонизм. Исследователи (например, П. И. Верещацкий) отмечают ключевое различие между Плотиним и блж. Августином: это отсутствие у первого идеи Боговоплощения («*Слово это стало плотью*» <...> этого я не нашёл там (*Conf. VII, 9, 13–14*)⁷). Таким образом, Н. Потто, по сути, показывает, как блж. Августин берёт платоническую идею о том, что Единое (*summum bonum*) является источником блага и красоты, и «христианизирует» её, применяя не к абстрактному «Единому», а к «безобразию» *воплощённого* Христа, Который через Крест дарует «красоту» Своему Телу — Церкви.

Во-вторых, стих Ис. 53, 4 («*Он взял на Себя наши немощи...*»). Н. Потто демонстрирует, как блж. Августин использует этот текст для объяснения Гефсиманского борения Христа (p. 233). Мольба о чаше — это не страх Христа-Главы, но голос Его Тела, Церкви. Это классический пример богословия *Christus totus* («Полного Христа»). Автор также указывает на важность текстологии: блж. Августин, следуя своему «тексту А», предпочитает вариант *infirmities* («немощи»), а не *peccata* («грехи»), что позволяет ему дать стиху психологическую и экклезиологическую интерпретацию (p. 233).

В-третьих, Ис. 53, 7 («*...как овца, веден был Он на заклание...*»). Николя Потто выделяет здесь три уровня экзегезы блж. Августина: 1) буквальное исполнение пророчества в *молчании* Христа на суде (p. 243); 2) эсхатологический — молчание первого пришествия противопоставляется громогласному Суду Второго Пришествия (в связке с Ис. 42, 14, p. 244); 3) экклезиологический — «Он [Христос] соизволил стать овцой <...> чтобы овцы [верующие] стали Его членами» (*il [le Christ] a daigné se faire brebis <...> pour que les brebis deviennent ses membres*, p. 246).

7 Верещацкий П. И. Плотин и блаженный Августин в их отношении к тринитарной проблеме // Августин: pro et contra. Личность и идейное наследие блаженного Августина в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 2002. С. 203.

Глава VI («Израиль и Церковь») посвящена экклезиологическому ядру экзегезы блж. Августина, а именно теме отвержения Израиля и призвания Церкви. Центральное место в этом анализе (р. 259–331) занимает гомилия «Против иудеев» (*Adversus Iudaeos*). Н. Потто показывает, как блж. Августин строит свою «пророческую аргументацию» на группе ключевых стихов Книги Исаии: Ис. 10, 22 («...*лишь остаток спасется*»), Ис. 6, 10 и 65, 2 (об «ослеплении» и «упорстве» Израиля), знаменитая аллегория *виноградника* (Ис. 5, 2–7) и, главное, пророчество о *горе Господней* (Ис. 2, 2–6) (р. 262–308).

Значимость гомилии «Против иудеев» (р. 261–291) в анализе Н. Потто заключается в том, что этот текст служит для блж. Августина «лабораторией», где святой отец оттачивает свою экклезиологию. Автор демонстрирует, как блж. Августин, используя Ис. 2, 3–6, проводит герменевтическое различие между «домом Иакова» (*maison de Jacob*) — то есть духовным Израилем, Церковью, — и «домом Израиля» (*maison d'Israël*), отвергнутым народом (р. 280–282). Блж. Августин не просто констатирует отвержение, но, как показывает Никола Потто, использует Ис. 2, 3 («*Придите, взойдем на гору Господню*») как прямой призыв к иудеям войти в свет Христов (р. 289), что является оригинальным ходом.

Как и в других главах, автор помещает экзегезу блж. Августина в широкий патристический контекст. Он показывает, что, хотя блж. Августин следует традиции (например, Оригену и свт. Амвросию в *моральной* интерпретации *виноградника* (Ис. 5, 2–7), р. 323), святой отец часто переосмысливает её. Например, если мч. Иустин и Тертуллиан видели в Ис. 65, 2 («...*простирал руки Мои...*») пророчество о Кресте (р. 305), блж. Августин, следуя ап. Павлу (см. Рим. 10, 21), использует его как доказательство «неверия и противления» (*incrédulité et <...> contradiction*) Израиля (р. 307). При анализе Ис. 10, 22 («*остаток спасется*») Н. Потто также отмечает, что блж. Августин, в отличие от блж. Иеронима или свт. Григория Эльвирского, смещает акцент с *осуждения* большинства на *положительную* роль «остатка» как корня, из которого произрастает Церковь (р. 271–272).

Глава VII («Обращение народов»), посвящена ключевой для блж. Августина теме: как пророчества Книги Исаии предсказали и объяснили вхождение языческих народов в Церковь. Автор показывает, что это обращение блж. Августин рассматривает как прямое следствие «слепоты еврейского народа» (р. 333), которая, парадоксальным образом, «имела благотворные последствия, позволив шире

возвестить Благою Весть» (permettant une annonce plus large de la Bonne Nouvelle, p. 333).

Автор углубляет анализ стихов, рассмотренных ранее, и вводит новые библейские стихи, которые блж. Августин использует для подтверждения этого исторического и богословского сдвига. Н. Потто выделяет три основных блока пророчеств.

- 1) **Ис. 2, 2–3 (Гора Господня)**: здесь Н. Потто анализирует экзегезу блж. Августина, видящего в этом «уже исполнившееся» (p. 335) пророчество. Особое внимание уделяется двойной интерпретации: *христологической* (гора как фигура Христа) и *экклезиологической* (гора как видимый образ Вселенской Церкви). Последняя активно используется в полемике с донатистами, которые «спотыкаются о гору» (p. 339). Н. Потто также указывает на связь этой экклезиологической интерпретации с пророчеством Даниила (см. Дан. 2, 34–35), где камень, ставший горой и наполнивший всю землю, используется блж. Августином для доказательства вселенскости и *видимости* Церкви.
- 2) **Песнь страждущего раба (Ис. 52, 15 и Ис. 53, 12)**: автор показывает, как в апологетических трудах, в частности в «О согласии евангелистов» («De consensu Evangelistarum»), блж. Августин использует эти стихи для доказательства того, что пророк Исаия предсказал не только Страсти, но и «поразительное обращение народов» (l'admirable conversion des nations, p. 349). Это, в свою очередь, приводит к «поражению дьявола и демонов» (la défaite du diable et des démons, p. 349), которое блж. Августин конкретно связывает с «падением язычества» (la chute du paganisme) и «уничтожением языческих храмов» (p. 350).
- 3) **Падение язычества (Ис. 2, 17–21; Ис. 8, 4; Ис. 19, 1)**: в этом разделе Н. Потто разбирает, как блж. Августин видит в конкретных пророчествах Книги Исаии предсказание уничтожения идолов, поклонения волхвов (понятое как «добыча Самарии», то есть обращение первых язычников) и падение египетского идолопоклонства (p. 355–368).

Центральный и наиболее оригинальный раздел главы — «Упущение Августина: Ис. 2, 4 и умиротворение народов» (p. 369). Н. Потто сфокусирован на поразительном герменевтическом факте: блж. Августин, активно цитируя Ис. 2, 2–3 (о горе) и Ис. 2, 5–6 (об оставлении

Израиля), «никогда не упоминает» (р. 369) находящийся прямо между ними стих Ис. 2, 4 — знаменитое пророчество о том, что народы «перекуют мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы».

Автор монографии тщательно исследует причины этого «сознательного умалчивания» (*passer volontairement sous silence*, р. 369).

Н. Потто демонстрирует, что для раннехристианских авторов (мч. Иустина, сщмч. Ириней, Тертуллиана, Оригена) этот стих был одним из главных *testimonia*. Они использовали его как прямое доказательство того, что христианство, обратившее воинственных варваров, принесло на землю реальный мир, исполнив пророчество.

Блж. Августин, однако, оказывается в иной исторической ситуации. Николя Потто блестяще показывает, что епископ Гиппонский не мог использовать этот аргумент из-за очевидного несоответствия пророчества и реальности. Автор пишет: «...когда Августин цитирует Ис. 2, 2–3 в труде «О граде Божиим», он едва ли может цитировать стих 4, учитывая само происхождение его труда, поводом для которого послужило разграбление Рима готами Алариха (*le sac de Rome par les Goths d'Alaric*)» (р. 371). Н. Потто отмечает, что даже современник блж. Августина — блж. Иероним мог ещё использовать этот стих, но относил его к рах готана эпохи Августа; эта интерпретация после 410 г. также была уже невозможна для блж. Августина.

Таким образом, блж. Августин оказался в герменевтическом тупике. Он не мог:

- 1) заявить, что пророчество исполнилось (как мч. Иустин или сщмч. Ириней), поскольку видел продолжающиеся войны;
- 2) отнести его исполнение к эсхатологическому будущему (как иудеи), «поскольку это означало бы, что Мессия ещё не пришёл» (р. 371).

В результате, заключает Н. Потто, цитируя М. Симонетти, блж. Августин выбирает «смущённое молчание» (*silence embarrassé*) епископа Гиппона, который предпочёл умолчать об этом стихе» (р. 371).

В заключение главы автор подводит итог: именно апологетический контекст (полемика с донатистами и язычниками) и историческая реальность (падение Рима) заставили блж. Августина избирательно подойти к тексту Книги пророка Исаии, при этом сделать акцент на пророчестве об универсальности Церкви и проигнорировать не соответствующие действительности пророчества о мире.

Главы VIII («Церковь Вселенская и Святая»), представляет собой вершину экклезиологического анализа Н. Потто. Автор переходит от

пророчеств о *происхождении* Церкви (рассмотренных в гл. VII) к пророчествам, описывающим её *настоящее состояние*. Н. Потто утверждает, что именно в полемике с донатизмом блж. Августин наиболее глубоко раскрывает Исаию как пророка Церкви, доказывая две её фундаментальные характеристики: **вселенскость** и **святость**.

1. Вселенскость Церкви и пророческий «стержень» (Ис. 53–54)

Первая часть главы посвящена аргументу «вселенскости» (l'universalité) (р. 373). Н. Потто детально разбирает апологетический метод блж. Августина, в частности, его «Послание к католическим братьям» («Epistula ad catholicos fratres»). В этом послании, как показывает автор, блж. Августин выстраивает «пророческую цепь» (chaîne scripturaire) из одиннадцати отрывков Книги Исаии, чтобы доказать, что истинная Церковь по определению не может быть географически ограниченной (как утверждали донатисты), но должна быть вселенской.

Н. Потто выделяет смысловой «стержень» (pivot) (р. 374) этой аргументации — **Ис. 54, 1–5**, которые блж. Августин использует в неразрывной связи со стихами **Ис. 53, 11–12** (рассмотренными Потто в VII главе). Автор показывает, что блж. Августин, полемизируя с донатистским «богословием малого числа», соединяет эти два пророчества: страдания раба (см. Ис. 53) обретают свой плод во «множестве» (multitude) (р. 376), которое и есть та самая «бесплодная» (la stérile) (Ис. 54), ставшая Вселенской Церковью.

Именно в этом контексте Н. Потто ссылается на риторический вопрос блж. Августина из VII главы (р. 351–352), который служит связующим звеном для всей этой аргументации: «Что же вы, еретики, хвалитесь своей малочисленностью, если <...> Господь Иисус Христос предал Себя на смерть, чтобы получить в наследие [это] множество?» (afin de posséder les foules en héritage).

Центральным текстом для VIII главы становится **Ис. 54, 1–5 (Пророчество о бесплодной)**. Никола Потто детально разбирает этот решающий экклезиологический аргумент. Блж. Августин, следуя ап. Павлу (см. Гал. 4, 27), представляет знаменитую аллегория:

- «Бесплодная» (la stérile) — это Церковь из язычников;
- «Имеющая мужа» (la femme qui a un mari) — это синагога.

Как отмечает автор, суть аргумента блж. Августина в том, что само благословение, обещанное пророком «бесплодной», — это её будущая невероятная **плодовитость** и **многочисленность** («ведь у покинутой гораздо более детей») (car les fils de la délaissée sont nombreux, р. 376). Таким образом, донатисты, настаивая на своей малочисленности как

признаке истинности, парадоксальным образом выступают против самого смысла пророчества Книги Исаии.

2. Святость Церкви

Во второй части главы Н. Потто переходит к более сложной проблеме святости. Автор исследует, как блж. Августин защищает учение о *corpus permixtum* (смешанном теле) (р. 398). Эта парадоксальная реальность Святой Церкви, которая в своём земном бытии состоит из праведников и грешников, отражает «сложную диалектическую связь», которую отмечает Г. Е. Захаров в экклезиологии блж. Августина. Западный богослов различал Церковь как «общение в таинствах» (*communio sacramentorum*), к которому внешне могут принадлежать и недостойные, и Церковь как «сообщество святых» (*societas sanctorum*), мистическое Тело Христово⁸.

Н. Потто анализирует, как блж. Августин, опираясь на Книгу Исаии, защищает реальность этого «смешанного» земного сообщества. Аргументация строится по двум основным направлениям.

Во-первых, блж. Августин доказывает, что само Писание предсказало *наличие* грешников и лицемеров в земной Церкви. Для этого он активно использует **Ис. 29, 13** (**«Народ этот чтит Меня устами...»**). Н. Потто отмечает, что блж. Августин расширяет применение этого стиха: изначально направленный против иудеев, он «применяет его также к “дурным христианам” (*mauvais chrétiens*)» (р. 399), то есть к лицемерам *внутри* Церкви. Показательно и *молчание* блж. Августина об **Ис. 11, 6–9** (**волк и ягнёнок**). В отличие от других отцов (сщмч. Иринея, блж. Иеронима), видевших в этом образе гармонию внутри Церкви, блж. Августин игнорирует этот стих. Никола Потто объясняет это тем, что «идиллическая» (р. 408) картина мира не соответствовала пастырской реальности епископа Гиппона.

Во-вторых, если Церковь «смешанная», то в чем её святость? Н. Потто показывает, как блж. Августин противопоставляет донатистскому ригоризму своё учение о благодати, вновь опираясь на пророка Исаию.

- **Ис. 52, 1** (**«...не будет более проходить через тебя необре-
занный и нечистый»**). Автор демонстрирует, как этот стих был главным оплотом донатистов (р. 409–410). Они утверждали, что пророчество исполнилось, поэтому Церковь уже

8 Захаров Г. Е. Статус апостольских престолов в экклезиологии блж. Августина // Наследие блаженного Августина в патристическом и неопатристическом контексте. М., 2023. С. 55.

сейчас должна быть абсолютно чистой, изгоняя из себя всех грешников. Н. Потто детально разбирает опровержение блж. Августина: западный отец переносит исполнение этого пророчества в эсхатологию, проводя фундаментальное различие между Церковью, «какова она сейчас» (*qualis nunc est*), и Церковью, «какой она будет в вечной жизни» (*in vita aeterna futura est*) (р. 411). Таким образом, донатисты, по мнению блж. Августина, ошибочно применяют к настоящему времени то, что относится к будущему веку.

- **Ис. 1, 18b («...если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю»)**. В этом стихе автор видит позитивное учение блж. Августина о святости. Церковь свята не потому, что в ней нет грешников, а потому, что она очищается «необходимостью благодати» (*nécessité de la grâce*) (р. 414). Н. Потто подчёркивает, что блж. Августин часто связывает это пророчество со стихом Еф. 5, 27 (Церковь *без пятна и порока*) (р. 415). Святость для блж. Августина — это не статичная чистота избранных, а динамичный процесс, в котором Церковь «созидается из прощённых грешников» (*se constitue de pécheurs pardonés*) (р. 420).

В выводе главы Н. Потто формулирует выявленный им «асимметричный герменевтический круг» (р. 421): Писанием (пророчествами о вселенскости) определяется реальность Церкви, а реальностью Церкви (её «смешанным» составом) определяется интерпретация Писания (пророчеств о святости).

Особого внимания заслуживает глава IX («Исаия, пророк эсхатологии»), посвящённая эсхатологии, где Н. Потто анализирует интерпретацию блж. Августином ключевых эсхатологических пассажей пророка Исаии — Ис. 65 и 66 — в контексте дебатов о миллениаризме, двух воскресениях и вечности адских мук. Исследуя толкование Ис. 65, 17–19.22 (о новом небе и новой земле), автор показывает отход епископа Гиппона от буквального миллениаризма и его переход к духовно-эсхатологическому пониманию этих пророчеств. Н. Потто точно фиксирует этот сдвиг: блж. Августин «таким образом предпочитает относить исполнение Ис. 65, 17–19 к эсхатологическим временам» (*temps eschatologiques*, р. 446), соотнося обетования с конечным преображением творения, а не с земным тысячелетним царством.

Блестящий сравнительный анализ представлен при разборе толкования блж. Августином фрагмента Ис. 66, 12–24 в 20-й книге «О граде

Божием». Н. Потто репрезентативно сопоставляет экзегезу блж. Августина с «Комментарием на Исаию» блж. Иеронима, выявляя не только параллели, указывающие на возможное использование блж. Августином труда блж. Иеронима, но и существенные расхождения. Как резюмирует автор, «епископ Гиппона не повторяет все экзегетические детали Иеронима <...> Он незначительно отличается от Иеронима <...> Его экзегеза, кроме того, оказывается более “индивидуализирующей” <...> Наконец, с герменевтической точки зрения, Августин больше, чем Иероним, настаивает на неоднозначности языка» (*l’ambivalence du langage*, p. 456). Этот детальный анализ позволяет оценить оригинальность подхода блж. Августина к эсхатологическим текстам Книги Исаии, его богословскую глубину и герменевтическую чуткость, что делает книгу Н. Потто незаменимым ресурсом для исследователей августиновской экзегезы.

Завершающие монографию четыре **Приложения** представляют собой самостоятельный исследовательский инструментальный исключительной ценности. Первое приложение (Annexe 1) содержит исчерпывающий конкорданс всех цитат и аллюзий на Книгу Исаии в корпусе сочинений блж. Августина — результат скрупулезной текстологической работы. В последующих приложениях детально анализируются пути рецепции Книги Исаии: через богослужебную традицию (Annexe 2) и новозаветные цитаты (Annexe 3), а также через сравнительный анализ экзегетической катены из «*Epistula ad catholicos*» в сопоставлении с интерпретациями других отцов Церкви (Annexe 4). Этот тщательно подготовленный справочный аппарат превращает работу Николая Потто в незаменимый исследовательский ресурс для специалистов по патристике и библейской герменевтике.

Монография Николая Потто представляет собой образцовое исследование патристической экзегезы, соединяющее текстологическую акрибию с богословской глубиной. Автору удалось не просто систематизировать разрозненные обращения блж. Августина к Книге Исаии, но выявить внутреннюю логику его герменевтического метода и показать, как библейский текст становится живым источником богословской мысли. Особую ценность работе придаёт сочетание исчерпывающего охвата материала с тонким анализом нюансов августиновской интерпретации, что делает эту книгу обязательной для всех, кто занимается изучением наследия великого отца Западной Церкви. Публикация этого фундаментального труда в серии «*Institut d’Études Augustiniennes*» подтверждает высокий научный уровень

работы Н. Потто, которая, несомненно, станет важной вехой в современном августиноведении.

Архимандрит Абель (Константинов)

Источники

- Biblia sacra: iuxta Vulgatam versionem / rec. R. Weber, emend. R. Gryson. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, ©2015.
- Sancti Eusebii Hieronymi Epistulae*. Ps. 2: Epistulae LXXI-CXX / rec. I. Hilberg. Vindobonae; Lipsiae: F. Tempsky; G. Freytag, 1912. (CSEL; vol. 55).
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: МП, 1983.

Литература

- Верецацкий П. И.* Плотин и блаженный Августин в их отношении к тринитарной проблеме // Августин: pro et contra. Личность и идейное наследие блаженного Августина в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб.: РХГИ, 2002. С. 193–231.
- Дориваль Ж., Арль М., Мюнник О.* Греческая Библия Септуагинта. От эллинистического иудаизма до раннего христианства / пер. с фр. яз. и предисл. свящ. А. Зиновкина. Сергиев Посад: МДА, 2023. (Корпус христианских текстов и исследований: Приложение к журналу «Библия и христианская древность»; т. 6. Библейские тексты и исследования; Библистика; т. 1 (1)).
- Захаров Г. Е.* Статус апостольских престолов в экклезиологии блж. Августина // Наследие блаженного Августина в патристическом и неопатристическом контексте. М.: ПСТГУ, 2023. С. 53–63.
- Ходзинский А., прот. AVGUSTINVS ROSSICVS* (Очерки русской августины XVIII – середина XX вв.) // *Августин Гиппонский, блж.* Творения: на латинском и русском языках. Т. 1 / сост. Н. Г. Головнина; вступ. ст. П. В. Хондзинского. М.: ПСТГУ, 2022. С. 21–96.
- Bochet I.* «*Le firmament de l'Écriture*». L'herméneutique augustinienne. Paris: Institut d'études augustiniennes, 2004. (Collection des Études Augustiniennes: Série Antiquité; vol. 172).
- Simonetti M.* Uno sguardo d'insieme sull'esegesi patristica di Isaia fra IV e V secolo // *Annali di storia dell'esegesi*. 1984. Vol. 1. P. 10–38.